

Жанр юбилейных заметок сродни тосту; заведомо исключает возможность представить личность юбиляра в ее реальном объеме, передать драматизм ее развития, борьбу человека с самим собой, то есть самое интересное, самое подлинное в человеке. Соблюдая неизбежную условность жанра, иначе говоря, избегая полемических вопросов, связанных с творчеством Льва Додина, и сосредотачиваясь лишь на очевидных, неоспоримых его достоинствах и заслугах, попытаюсь, однако, не превращать одного из крупнейших режиссеров современного театра в очередную жертву канонизации.

Львиная доля

К 60-летию Льва Додина

Л. Додин

Жанр юбилейных заметок сродни тосту; заведомо исключает возможность представить личность юбиляра в ее реальном объеме, передать драматизм ее развития, борьбу человека с самим собой, то есть самое интересное, самое подлинное в человеке. Соблюдая неизбежную условность жанра, иначе говоря, избегая полемических вопросов, связанных с творчеством Льва Додина, и сосредотачиваясь лишь на очевидных, неоспоримых его достоинствах и заслугах, попытаюсь, однако, не превращать одного из крупнейших режиссеров современного театра в очередную жертву канонизации.

Додин, впрочем, и без того давно уже канонизирован: мало кто из мэтров режиссуры окружен таким числом курильщиков фимиама. Но притом он умудряется сохранять спасительную в таком положении неудовлетворенность собой, чувствительность к душевной боли, я бы даже сказал, способность к самомучительству. Внешние обстоятельства к этому не вынуждают: мог бы и на лаврах почивать. Но как смолоду держался, так и сегодня

держится убеждением, что в творчестве главенствует процесс, а не результат.

Он знает, что никакой процесс не способен дать гарантию успешного результата. Но знает и то, что результат, вычисленный заранее, — всегда подмена, всегда имитация духовных усилий.

Театр имитации, театр дежурных эмоций, театр, которым правят не идеи, а вождения (или, попросту говоря, конъюнктурный расчет), Додину отвратителен.

Лет двенадцать назад, работая над "Бесами", он сказал: "...все мы про Достоевского вроде бы знаем, а в результате ничего не получится. И это будет огорчительно. Но не очень. Ибо — что бы там ни говорили, как бы ни сердились — для нас это напрасно не пройдет".

Все, что делается в присутствии духа, делается не напрасно.

В этом, собственно, весь Додин; во всяком случае, все лучшее в нем определяется этим старомодным осознанием творчества как служения некоей высшей духовной силе. Настоящая, глубокая радость творчества для Додина связана с напря-

женным процессом познания и самопознания, с той мерой откровенности и глубины, которая обыденности недоступна.

Задолго до "Бесов", на первой репетиции "Дома", он возмущался тем, что у актеров уже сложилось представление о том, как и что они будут играть. Почему возмущался? Потому что содержание будущего спектакля не может сложиться в одночасье; оно может быть только предложено как первоначальный импульс исследования.

Исследования, а не исполнения.

Слово "исполнение" применительно к актерскому творчеству Додин отвергает: актер не исполнитель чужого замысла, но соавтор роли, открытый непосредственным жизненным впечатлениям. А ключевое слово его рабочего лексикона — "проба". Достигнув определенного, вроде бы и удовлетворительного этапа, все равно нужно продолжать пробовать. Даже после успешной премьеры. Не случайно спектакли Додина, как правило, на премьеры выглядят сыроватыми и обретают свою настоящую художественную глубину лишь через десять — пят-

надцать представлений; смысловые акценты постоянно уточняются, а порой и меняются до неузнаваемости. Зато и живут эти спектакли, морально не изнашиваясь, подолгу.

Два десятилетия назад Додин признался на страницах журнала "Театр": "Если крепким режиссером сегодня называют того, кто обладает умением из любого материала быстро и наверняка построить спектакль (что же это за режиссер, говорят, если у него уже три репетиции прошло, а сцена еще не построена), то я предпочел бы называться режиссером некрепким".

С тех пор многое в его жизни изменилось, но в существе отношения к профессии, к предназначению художника не изменилось ничего.

Всю жизнь он настаивает на том, что удача — редчайшее исключение, а неудача — нормальное явление в театре. Легко повторяющаяся удача — вещь для него подозрительная. В отличие от большинства мастеровитых коллег, полагающих, что статус мастера не позволяет им зависть от вдохновения, Додин посто-

янно озабочен рождением творческого самочувствия — в себе и вокруг себя. Тем состоянием, которое Пушкин называл "расположением души к живейшему приятию впечатлений, а следовательно, к быстрому соображению понятий".

Вообще Додин — художник на редкость последовательный; у него есть круг излюбленных мыслей, основополагающих принципов, которые он раз и навсегда воспринял от своих незаурядных учителей — М.Г.Дубровина и Б.В.Зона. Первый из них был мейерхольдовцем, второй — убежденным последователем Станиславского, но и тот и другой отличались широким пониманием профессии, не сводили ее к методологическим приемам и формулам. Главное для них — и для Додина — можно выразить словами Блока о "неслиянности и нераздельности" жизни и искусства.

Товстоногов говорил, что далеко не всякий, даже хороший режиссер обладает "театрообразующим началом". Некоторые думают, что это начало определяется лишь способностью к диктату, к волевым усилиям, подавляющим волю и самобыт-

ность других. Большая ошибка! Всякий режиссер — диктатор. Но не всякий диктатор — Товстоногов или Додин. Не всякий способен не только подчинить себе людей, но и вызвать их уважение подлинной мощью своего художественного, а не "пропиаренного", то есть аналогов купленного, авторитета. Настоящий лидер, настоящий строитель театра — это человек, ищущий разумную пропорцию между режиссерской диктатурой и добровольным подчинением труппы. Лидер, который опасается личностного проявления тех, кто идет рядом, никогда ничего не построит, потому что в самом себе несет разрушение. Я, впрочем, далек от мысли, что путь Малого драматического — путь идеальный. Этот театр, как и сам Додин, пережил не одну кризисную ситуацию, о которых люди внутри театра наверняка знают лучше, чем люди со стороны. Но, как бы ни была велика цена ошибок и отклонений от программного курса, театрообразующее начало присуще Додину в высшей степени.

(Окончание на 11-й стр.)

Фото ИТАР-ТАСС